

**Международный ежегодник
по философии культуры.
1911-1912**

Книга II и III

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
М43

М43 Международный ежегодник по философии культуры. 1911-1912: Книга II и III / – М.: Книга по Требованию, 2013. – 326 с.

ISBN 978-5-458-04957-3

Издание организовала в 1910 г. группа молодых российских (С. Гессен, Ф. Степун, Н. Бубнов) и немецких философов (Р. Кронер, Г. Мелис). В Москве журнал выходил в издательстве «Мусагет», а позже – в «Товариществе Н. О. Вольфа». В Тюбингене издателем был Зибек. В первом номере было объявлено участие В. И. Вернадского, И. М. Грэвса, Ф. Ф. Зелинского, Кистяковского, А. С. Лаппо-Данилевского, Н. О. Лосского, Э. Л. Радлова, П. Б. Струве, С. Л. Франка. Позже к ним присоединились А. А. Чупров и А-р И. Введенский, а Лосский и Франк вышли из журнала. В русской версии «Логоса» участвовали и иностранные философы: Г. Зиммель, Г. Риккерт, Р. Кронер, Г. Вёльфлин, В. Виндельбанд, Н. Гартман, П. Наторп, Б. Кроче, Э. Бутру. Журнал следовал главным образом неокантианской традиции во всех ее проявлениях. Основной была идея автономии философского знания, преобладали публикации о проблемах теории познания. «Логос» дистанцировался от философских течений, основанных на «внефилософских» началах (натурализм, психологизм, историзм, религиозная философия мистического и онтологического характера; сюда же была зачислена и русская религиозная философия). Поскольку журнал пропагандировал прежде всего немецкую философию, то с началом Первой мировой войны в 1914 г. он перестал выходить (лишь в 1925 г. в Праге была попытка возобновить издание, но дальше выпуска одного номера дело не пошло).

ISBN 978-5-458-04957-3

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, кляксы, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Понятіе и трагедія культуры.

Статья Георга Зиммеля (Берлинъ).

Тѣмъ, что человѣкъ не позволяетъ вовлечь себя безпрекословно, какъ животное, въ естественное теченіе міра, но себя изъ него вырываетъ, себя ему противопоставляя, предъявляя требованія, ведя борьбу, его насилия и претерпѣвши насилие,—этимъ первымъ великимъ дуализмомъ начинается безконечный процессъ между субъектомъ и объектомъ. Тотъ же процессъ повторяется и въ области самаго духа. Духъ творить безчисленные образы, которые своеобразно и самостоятельно ведутъ дальнѣйшее существованіе независимо какъ отъ души, сотворившей ихъ, такъ и отъ всякой другой, ихъ воспринимающей или отвергающей. Такъ противостоитъ субъектъ искусству и праву, религіи и техникѣ, наукѣ и обычая; при чемъ не только содержаніе ихъ то привлекаетъ, то отбрасываетъ субъекта, то сливаются съ нимъ, какъ часть его «я», то противостоятъ ему чѣмъ-то чуждымъ и недоступнымъ,—но и ставшій теперь объектомъ въ формѣ неизмѣнно установившагося, пребывающаго существованія духъ противопоставляетъ себя несущейся потокомъ жизни, внутренней самоотвѣтственности, колеблемуся напряженію субъективной души. Какъ духъ, внутренне связанный съ духомъ, онъ переживаетъ безчисленные трагедіи, рождаемыя глубокой противоположностью обѣихъ формъ: противоположностью субъективной жизни—она безудержна, но конечна во времени, и ея содержаній—они, разъ созданныя, неподвижны, но значимы вѣкъ времени.

Въ области такого дуализма приходится жить идеѣ культуры. Въ основѣ ея лежитъ внутренній фактъ, который въ его цѣломъ можетъ быть выраженъ лишь символически и нѣсколько расплывчато: какъ путь души къ самой себѣ. Ибо въ сущности всякая душа есть всегда нѣчто большее, чѣмъ то, что она представляетъ собою въ настоящее мгновеніе: высота ея и совершенство уже преформированы въ ней, если и не въ реальной, то во всякомъ случаѣ въ какой-либо иной формѣ данности. Здѣсь разумѣется не опредѣленный, въ какомъ-либо мѣстѣ духовнаго міра фиксированный идеалъ, но освобожденіе покоящихся въ душѣ

и предназначеннхъ къ дѣятельности силь, развитіе ея собственнаго послушнаго внутреннему тяготѣнію къ формѣ начала. Какъ жизнь—и въ наибольшѣй мѣрѣ ея высшая ступень въ сознаніи—непосредственно содержитъ въ себѣ какимъ-то кускомъ неорганическаго свое прошедшее; какъ это прошедшее продолжаетъ жить въ сознаніи самимъ своимъ первоначальнымъ содержаніемъ, а не только какъ механическая причина дальнѣйшихъ измѣненій,—точно такъ же включаетъ въ себя жизнь и свое будущее—образъ, которому не соотвѣтствуетъ никакой аналогіи въ области неживого. Въ каждомъ моментѣ бытія организма, способнаго рости и размножаться, живеть его позднѣйшая форма съ внутренней необходимостию и предобразованностью, которая нельзя сопоставить съ необходимостию и предобразованностью полета стрѣлы въ моментѣ ея нахожденія въ натянутомъ лукѣ. Тогда какъ не живое владѣеть просто лишь моментомъ настоящаго, живое на особый, ни съ чѣмъ не сравнимый ладъ распространяетъ властъ свою на свое прошедшее и будущее. Всѣ душевныя движенія типа воли, долга, призванія, надежды—не что иное, какъ духовныя продолженія основнаго опредѣленія жизни: включенія своего будущаго въ свое настоящее въ своеобразной и свойственной исключительно жизненному процессу формѣ. И это касается не только отдѣльныхъ сторонъ развитія и совершенствованія: вся личность, какъ цѣлое и какъ единство, несетъ въ себѣ нѣкую какъ бы невидимыми линіями начертанную картину. Лишь съ реализацией этой картины свершается переходъ личности изъ плоскости возможностей въ плоскость подлинной дѣйствительности. И вотъ, если созрѣваютъ и самоутверждаются духовныя силы въ отдѣльныхъ, такъ сказать «провинціальныхъ», задачахъ и интересахъ, то одновременно съ этимъ процессомъ возвышается или, лучше, скрывается требованіе, чтобы всѣмъ этимъ душа, какъ начало цѣлого и единое, исполняла бы данное себѣ самой обѣщаніе цѣлостности; всѣ же единичныя событія становятся тѣмъ самимъ лишь множественностью путей возвращающейся къ себѣ самой души. Вотъ метафизическая, если угодно, предпосылка нашего практическаго и чувствующаго существа. Какъ бы ни было велико разстояніе этого символического выраженія отъ реальныхъ соотношеній, единство души не есть лишь простая формальная связь, охватывающая всегда одинаковымъ образомъ проявленія отдѣльныхъ душевныхъ силъ; сами эти отдѣльныя силы свершаютъ развитіе души какъ цѣлого и являются по отношенію къ нему лишь изолированными и усовершенствованными средствами. Здѣсь формулируется первое и пока слѣдующее лишь чувству словоупотребленія понятіе культуры. Мы не тогда культурны, если достигли того или другого

знанія или умѣнія, но только въ томъ случаѣ, если все достигнутое служить конечно съ этимъ связаннымъ, но отнюдь не совпадающимъ съ нимъ развитію нашей центральности. Наши сознательныя стремленія, правда, имѣютъ въ виду частные интересы и возможности; потому развитіе каждого человѣка, поскольку оно вообще доступно слову, является какъ бы пучкомъ разной длины линій развитія, расположенныхъ въ различныхъ направленіяхъ. Однако, не въ этихъ частичныхъ совершенствованіяхъ, но лишь въ значеніи ихъ для развитія или, скорѣе, какъ развитія неопределимаго личнаго единства—состоитъ процессъ культуры человѣка. Выражаясь иначе: культура—это путь отъ замкнутаго единства чрезъ развитое многообразіе къ развитому единству. Во всякомъ случаѣ рѣчь можетъ ити лишь о развитіи явленій, уже заложенномъ въ потенциальному ядрѣ личности, какъ эскизъ ея идеального плана. И здѣсь обычное словоупотребленіе остается вѣрнымъ руководителемъ. Мы называемъ культивированными садовые плоды, полученные садовникомъ изъ одеревенѣлыхъ и несъѣдобныхъ плодовъ дикихъ породъ; или иначе: это дикое дерево культивировано въ садовое плодовое дерево. Если же, наоборотъ, то же самое дерево будетъ употреблено на мачту, что потребуетъ, конечно, не меньшей затраты сознательной работы, то мы никогда не скажемъ, что стволъ дерева культивированъ въ мачту. Нюансы употребленія слова ясно указываютъ, что плодъ, какъ бы ни былъ необходимъ для его образованія трудъ человѣка, въ концѣ концовъ, все же, лишь осуществляетъ заложенную въ качествахъ самого дерева возможность, ибо получается все-таки изъ собственныхъ производительныхъ силъ дерева,—въ то время какъ мачта вырабатывается изъ ствола въ силу системы цѣлей, самому стволу совершенно чуждыхъ и въ тенденціяхъ его собственнаго существованія нисколько не заложенныхъ. Въ этомъ смыслѣ всѣ возможныя познанія, утонченность и виртуозность человѣка, отмѣченныя характеромъ прилатковъ, приложенныхъ къ личности изъ области ей самой въ конечномъ счетѣ совершенно вѣнчанихъ цѣнностей, не позволяютъ намъ приписать ей дѣйствительной культурности. Человѣкъ описаннаго типа есть лишь человѣкъ культивированныхъ душевныхъ способностей, но не человѣкъ подлинной культуры. О культурѣ же мы имѣемъ право говорить лишь въ томъ случаѣ, когда воспринятое душою сверхличное содержаніе развертывается въ ней какъ бы въ тайной гармоніи лишь то, что уже раньше было заложено въ ней, какъ ея собственное влечение и какъ внутренняя предназначенність ея субъективнаго совершенствованія.

Здѣсь выступаетъ, наконецъ, та обусловленность культуры, благо-

даря которой она является рѣшеніемъ уравненія между субъектомъ и объектомъ. Мы не примѣняемъ ея понятія тамъ, гдѣ совершенствованіе не ощущается, какъ собственное развитіе душевного центра; однако, оно не находитъ примѣненія и тамъ, гдѣ подобное саморазвитіе обходится безъ всякихъ объективныхъ и внѣшнихъ ему средствъ и путей. Множество движений ведутъ дѣйствительно, какъ того требуетъ указанный выше идеаль, душу къ самой себѣ, т.-е. къ воплощенію ея вполнаго и въ ней самой заложенного, но пока данного ей лишь, какъ возможность, бытія. Однако, поскольку она достигаетъ его исключительно, отправляясь отъ своего внутренняго существа, будь то въ религіозномъ восторгѣ или вдохновеніи самопожертвованія, царствѣ размышенія или цѣльной гармоніи жизни, она можетъ быть лишена специфического качества культурности. И не только въ томъ смыслѣ, что здѣсь можетъ отсутствовать то совершенно или относительно внѣшнее, что словоупотребленіемъ деклассировано въ понятіе цивилизациі. Дѣло совсѣмъ не въ этомъ. Культурности въ самомъ чистомъ и глубокомъ ея смыслѣ нѣтъ тамъ, гдѣ душа проходитъ путь отъ себя къ себѣ, отъ своей возможности къ своей дѣйствительности, исключительно при помоши своихъ субъективныхъ личныхъ силъ, хотя бы такой путь, съ высшей точки зрѣнія, и оказался наиболѣе цѣннымъ; послѣднее только означало бы, что культура не есть абсолютно-предѣльная цѣнность души. Культура получаетъ свой специфической смыслъ только въ томъ случаѣ, когда человѣкъ вовлекаетъ въ указанное развитіе нѣчто внѣшнее, когда путь души проходитъ чрезъ цѣнности и ряды не субъективно душевные. Тѣ объективные образы духа, о которыхъ я говорилъ выше,—искусство и нравы, наука и предметы техники и индустріи, религія и право, техника и общественные нормы,—необходимо должны быть этапами субъекта на пути его къ пріобрѣтенію той своеобразной цѣнности, которую мы называемъ культурой личности. Но вотъ тутъ-то и кроется парадоксальность культуры, заключающаяся въ томъ, что субъективная жизнь, ощущаемая нами непрерывнымъ потокомъ и ищащая своего внутренняго совершенства, сама по себѣ, какъ таковая, оказывается съ точки зрѣнія культуры совершенно безсильной достичь его намѣченнымъ путемъ: съ самаго начала она оказывается уже направленной, въ цѣляхъ своего завершенія, на тѣ образованія духа, которые успѣли стать формально чуждыми ей, окристаллизовавшись въ самодовлѣющей замкнутости. Культура возникаетъ—это рѣшающій моментъ для ея пониманія—при сліяніи двухъ элементовъ, изъ которыхъ ни одинъ не имѣеть на нее больше права, чѣмъ другой: субъективной души и объективнаго продукта духа.

Здесь коренится метафизическое значение этого исторического образованія. Въ цѣломъ рядъ своихъ наиболѣе могущественныхъ и существенныхъ проявленій духъ человѣка постоянно возводить невозводимые, а если и заканчиваются, то всегда вновь и вновь разрушаются, мости между субъектомъ и объектомъ вообще: знаніе, главнымъ образомъ трудъ, въ нѣкоторыхъ смыслахъ также искусство и религія. Духъ видѣть передъ собой бытіе, къ которому его влечетъ какъ принужденіе, такъ и самовольность его природы; однако, онъ вѣчно присуждены къ движению въ самомъ себѣ, въ кругѣ лишь касательномъ къ линіи бытія; и всякий разъ, какъ онъ въ своемъ пути, соприкоснувшись съ послѣдней, устремится совпастъ съ ея направлениемъ, съ бытіемъ, имманентность законовъ круга захватываетъ его обратно въ замкнутое въ себѣ вращеніе. Уже въ самомъ образованіи понятія: субъектъ—объектъ, какъ понятія коррелативнаго, гдѣ каждый изъ этихъ моментовъ находитъ свой смыслъ въ своемъ другомъ,—лежитъ тоска и предчувствіе преодолѣнія этого застывшаго, послѣдняго дуализма. Упомянутыя выше области дѣятельности перекладываютъ его въ особую атмосферу, гдѣ радикальная чуждость обѣихъ сторонъ смягчена и допускается нѣкоторое взаимное проникновеніе. Но такъ какъ послѣднее находитъ мѣсто только въ области модификацій, образовавшихся опять-таки подъ вліяніемъ атмосферическихъ условій отдѣльныхъ провинцій, то чуждость сторонъ не преодолѣвается въ ея глубочайшей основѣ, и конечные попытки оказываются беспомощными передъ необходимостью рѣшить безконечную задачу. Нѣсколько иначе относимся мы къ объектамъ, общеніе съ которыми является для насъ путемъ къ нашей культурности. Объекты эти сами—духъ, ставшій въ упомянутыхъ этическихъ, интеллектуальныхъ, соціальныхъ и эстетическихъ, религіозныхъ и техническихъ формахъ предметомъ; дуализмъ заключенного въ свои предѣлы субъекта и самодовлѣющаго въ своемъ бытіи объекта при духовности обѣихъ сторонъ переживаетъ исключительно своеобразное оформленіе. Такъ субъективный духъ долженъ лишиться своей субъективности, но не своей духовности, чтобы пережить то отношеніе къ объекту, въ которомъ обрѣтается культура субъекта. Это единственный способъ, которымъ дуалистическая форма существованія, данная непосредственно съ содержаніемъ субъекта, организуется въ нѣчто внутренне-единосвязное. Происходить объективація субъекта и субъективація объективнаго—въ чёмъ и состоить специфичность процесса культуры въ его метафизической, возвышающейся надъ отдѣльными содержаніями формъ. Болѣе глубокое пониманіе требуетъ дальнѣйшаго анализа указанного овеществленія духа.

Наши размышления исходили изъ глубокой чуждости, пожалуй даже, враждебности процесса жизни и творчества души, съ одной стороны, и ихъ содержаний и продуктовъ—съ другой. Выбирающей, безудержной, въ безконечное развертывающейся жизни творческой въ какомъ бы то ни было смыслѣ души противостоять застывшей, идеально неподвижный продуктъ ея съ угрозой обратнымъ воздействиемъ остановить, убить ту жизненность; часто продуктивная подвижность души какъ бы умираетъ въ собственномъ продуктѣ. Въ этомъ основная форма нашего страданія по нашему прошедшему, по нашимъ догмамъ, по нашимъ фантазіямъ. До нѣкоторой степени рационализируется и менѣе ощущается эта расщепленность между агрегатными состояніемъ самой внутренней жизни и ея содержаніями тѣмъ, что человѣкъ противопоставляетъ себѣ и созерцаетъ эти продукты духа или содержанія своего теоретического и практического творчества въ опредѣленномъ смыслѣ, какъ самостоятельный космосъ объективированного духа. Внѣшнее или нематеріальное произведение, въ которомъ запечатлѣлась душевная жизнь, начинаетъ восприниматься какъ своеобразного рода цѣнность. Попадетъ ли жизнь, вливающаяся въ нее, въ глухой тупикъ, или прокатить дальше свои волны, выбросивъ къ берегу эти объективные образы, — во всякомъ случаѣ специфически человѣческое богатство состоить въ томъ, что продукты субъективной жизни принадлежать въ то же время неизмѣняемому предметному порядку цѣнностей, — логическому или моральному, религіозному или художественному, техническому или правовому. Являя себя носителями этихъ цѣнностей, членами таковыхъ рядовъ, продукты духа благодаря взаимному сплетенію и систематизированности не остаются въ той неподвижной изолированности, которая сдѣлала ихъ столь чуждыми ритмикѣ процесса жизни; наоборотъ, самому процессу сообщаютъ они значительность, не могущую быть добытой исключительно изъ неудержимости теченія жизни. На продукты духа падаетъ акцентъ цѣнности, правда, возникающій въ субъективномъ сознаніи; но послѣднее всегда разумѣеть подъ нимъ нѣчто вѣнѣ-субъективное. Цѣнность не должна быть непремѣнно положительной въ смыслѣ блага; скорѣе, наибольшее значеніе получаетъ самъ простой формальный фактъ, что субъектъ образовалъ объектъ, что его жизнь воплотила самое себя, такъ какъ только самостоятельность оформленного духомъ объекта можетъ разрѣшить основное напряженіе между процессомъ сознанія и его содержаніемъ. Природно пространственный представлениія примиряютъ, вѣдь, несогласованность своей неподвижно застывшей формы съ непрерывно текущимъ процессомъ сознанія тѣмъ, что узаконяютъ эту неподвижность

отнесенiemъ къ объективно виѣшнему миру; такое же соотвѣтствующеѣ значеніе имѣть и объективность духовнаго міра. Мы чувствуемъ всю жизненность нашего мышленія лишь при наличности неизмѣнныхъ логическихъ нормъ, всю самовольность нашихъ поступковъ—лишь при этическихъ нормахъ; все теченіе нашего сознанія заполнено познаніями, опытомъ, впечатлѣніями изъ окружающихъ его, оформленныхъ духомъ областей; устойчивость и какъ бы химическая неразложимость всего этого являетъ проблематическую двойственность съ беспокойной ритмикой субъективно - душевнаго процесса, въ которомъ оно рождается, какъ представлениe, какъ субъективное содержаніе. Только принадлежность этихъ образовъ къ миру идеальному, лежащему надъ индивидуальнымъ сознаніемъ, обосновываетъ и оправдываетъ указанную противоположность. Конечно, запечатлѣнность въ объектѣ воли интеллекта, индивидуальности и духа, силы и настроенія отдельной души (также и коллектива ихъ), является рѣшающимъ моментомъ для его культурнаго смысла. И съ другой стороны—здѣсь вся значительность душевныхъ процессовъ достигаетъ предѣльного пункта своего назначенія. Къ осчастливленности творца своимъ произведеніемъ, будь оно великимъ или незначительнымъ, на ряду съ разрѣженіемъ внутренняго напряженія, съ проявленіемъ субъективныхъ силъ, съ удовлетворенностью исполненнаго требованія примѣшано, думается, еще то объективное удовлетвореніе, что данное произведеніе закончено, что космосъ тѣхъ или иныхъ цѣнностей обогатился новымъ пріобрѣтеніемъ. Можетъ быть, нѣтъ болѣе утонченного личнаго наслажденія своимъ произведеніемъ, какъ ощущать его въ его сверхличности, въ его отрѣшенности отъ всего нашего субъективнаго. И такъ же, какъ эти объективаціи духа, цѣнны по ту сторону субъективныхъ процессовъ жизни, входящихъ въ нихъ какъ ихъ причины, такъ же цѣнны онъ и по ту сторону другихъ процессовъ жизни, зависящихъ отъ нихъ въ смыслѣ ихъ слѣдствій. Какъ бы сильно ни цѣнили мы организацію общества и техническую обработку естественныхъ процессовъ, произведенія искусства и научное познаніе истины, нравы и нравственность за ихъ воздѣйствіе на жизнь и на развитіе душъ—всего чаще къ этой оцѣнкѣ все же примѣшиваются и удовлетвореніе тѣмъ, что образы эти вообще существуютъ, что міръ объемлетъ и эти произведенія духа; нашъ процессъ оцѣнки подлежитъ тутъ директиѣ—останавливаться на собственномъ содержаніи объектиированного духа, не спрашивая о дальнѣйшихъ судьбахъ его и вытекающихъ душевныхъ послѣдствіяхъ. На ряду со всѣмъ субъективнымъ наслажденіемъ, входящимъ въ насъ вмѣстѣ съ художественнымъ произведеніемъ, мы сознанемъ, какъ особаго рода цѣнность, что произведеніе это вссѣщо существуетъ

что духъ сотворилъ себѣ этотъ сосудъ. Какъ въ творческой волѣ есть по крайней мѣрѣ одна линія, имѣющая своей конечной цѣлью собственное содержаніе произведенія искусства и влѣтающая чисто объективную оцѣнку въ личное наслажденіе изживающей себя творческой силы, такъ соотвѣтствующая линія дана и въ переживаніяхъ воспринимающаго. Но во всякомъ случаѣ этотъ родъ цѣнности явно отличъ отъ цѣнностей, облекающихъ чисто предметную данность, т.-е. природно объективное. Море и цвѣты, Альпы и звѣздное небо—все, что здѣсь связано съ цѣнностью, существуетъ только въ рефлексахъ субъективной души. Вѣдь природа, если отвлечься отъ мистической и фантастической антропоморфизаціи ея, есть лишь непрерывно связное цѣлое, безразличная закономѣрность котораго никогда не акцентируетъ, на основаніи ея предметно-внутренняго содержанія, ни одной своей части, равно какъ и въ бытійномъ смыслѣ не ограничиваетъ ее отъ другихъ частей. Только наши человѣческія категоріи вырѣзаютъ изъ нея отдѣльные куски, связывая съ ними наши эстетическія, возвышенныя, символически значимыя реакціи; что прекрасное въ природѣ «радуется на самого себя», правомѣрно лишь какъ поэтическая фикція; для сознанія, размышляющаго объ объективности въ этомъ прекрасномъ, нѣтъ иной радости, какъ той, которой оно разрѣшается въ нась. Если продуктъ чисто объективныхъ силъ можетъ быть субъективно цѣннымъ, то обратно продуктъ субъективныхъ силъ цѣненъ объективно. Матеріальные и нематеріальные образы, въ которые облеклась человѣческая воля, умѣніе, знаніе и чувство,—и представляютъ собою то объективно данное, которое мы воспринимаемъ, какъ значительность и обогащеніе бытія—даже если отвлечься отъ возможности ихъ созерцать, использовать, насладиться ими. Пусть цѣнность и значеніе, смыслъ и важность рождаются исключительно въ душѣ человѣка; но хотя это и оправдывается по отношенію къ данной природѣ, все-таки ничто не снимаетъ объективной цѣнности образовъ, въ которые уже облечены творческія и оформляющія душевныя силы и цѣнности. Восходъ солнца, котораго никто не видаль, не дѣлаетъ міръ болѣе цѣннымъ или возвышеннымъ, такъ какъ простая объективная данность факта вообще не допускаетъ примѣненія этихъ категорій; но если художникъ вложилъ въ картину этого восхода солнца свое настроеніе, свое чувство формы и красокъ, свою способность выраженія, то мы это произведеніе считаемъ (не разъясняя здѣсь въ какихъ именно метафизическихъ категоріяхъ) обогащениемъ и повышеніемъ цѣнности бытія; міръ становится, т.-сказать, достойнѣе въ своемъ существованіи, приближеннѣе къ своему дѣйствительному смыслу, если душа человѣка, источникъ всякой цѣнности, запечат-

ялась въ фактѣ, теперь уже одинаково принадлежащемъ также и къ объективному миру—въ фактѣ, своеобразное значеніе котораго не зависитъ отъ того, расколдуется ли другая душа эту зачарованную въ ней цѣнность и разложитъ ли ее въ потокѣ своего субъективнаго воспріятія. Естественный восходъ солнца и картина—то и другое реальности, но первая находитъ свою цѣнность впервые лишь въ дальнѣйшей своей жизни въ психическомъ субъектѣ, вторая, уже отъ кубка такой жизни вкушившая, въ объектѣ оформленная, стоитъ передъ нашимъ воспріятіемъ цѣнности непосредственнымъ, ни въ какой субъектизаціи не нуждающимся дефинитивомъ.

Если напрячь эти моменты до полярности противоположныхъ воззрѣній, то на одной сторонѣ окажется исключительная оцѣнка субъективно подвижной жизни, которая не только создаетъ всякой смыслъ, цѣнность и значеніе, но въ которой всѣ они постоянно и пребываютъ. На другой—столь же понятно радикальное акцентуированіе оформленной въ объектѣ цѣнности. Естественно, послѣдняя не должна быть непремѣнно направленной на оригинальное созиданіе произведеній искусства и религій, техники и знаній; но что бы ни совершалъ человѣкъ, онъ долженъ слѣдить вкладъ въ идеальный, исторический, материализированный космосъ духа, если его произведеніе претендуетъ оказаться цѣннымъ. Это касается не субъективной непосредственности нашего бытія и дѣятельности, но ихъ объективно нормированнаго, объективно упорядоченнаго содержанія; такъ что въ сущности только эти нормировки и порядки содержать въ себѣ субстанцію цѣнности, которую и сообщаютъ текущимъ личнымъ процессамъ. Такъ у Канта даже автономія моральной воли, именно въ ея психологической фактичности, не связана сама съ цѣнностью, но перекладываетъ послѣднюю на реализацію объективно-идеальной формы. Такъ характеръ и личность получаютъ значеніе, какъ въ добромъ, такъ и въ зломъ, лишь поскольку принадлежатъ къ сверхличной области. Въ то время, какъ оцѣнки субъективнаго и объективнаго духа противостоятъ другъ другу, культура, сочетавшая въ себѣ эти оба рода цѣнностей, сохраняетъ цѣлостность своего единства, ибо она является собой тотъ роль индивидуальныхъ свершений, ідѣя послѣднія только черезъ воспринятіе и использованіе сверхличныхъ, вѣтъ субъекта живущихъ образовъ, находить свое осуществленіе. Только черезъ объективно духовные реальности идетъ путь субъекта къ специфической цѣнности культуры; объекты же со своей стороны становятся культурными цѣнностями, поскольку черезъ себя ведутъ тотъ путь души отъ себя къ самой себѣ, тотъ путь отъ ея естественнаго къ ея культурному состоянію.

Можно, значитъ, такъ выразить структуру понятія культуры: нѣть

культурныхъ цѣнностей, которые бы были бы лишь культурными цѣнностями; но каждая должна, чтобы получить такое значение, занимать еще мѣсто среди цѣнностей предметно-вещественного ряда. Также цѣнность этого послѣдняго рода, т.-е. цѣнность, благодаря которой какіе-либо интересы или способности нашего существа получаютъ свое развитіе, становится культурной, поскольку частичное развитіе поднимаетъ наше «цѣлостное я» ступенью выше къ его предѣльному завершенному единству. Отсюда становятся понятными два соотвѣтственныхъ отрицательныхъ явлений въ исторіи духа. Во-первыхъ—люди съ наиболѣе глубокими культурными запросами проявляютъ часто удивительное равнодушіе, скажемъ болѣе, отвращеніе къ отдѣльнымъ содержаніямъ культуры—поскольку имъ не удается раскрыть себѣ сверхспециальный вкладъ этихъ содержаній въ развитіе личностей въ ихъ цѣломъ; и дѣйствительно, ни одно человѣческое произведеніе не должно непремѣнно само раскрыть свой вкладъ, какъ, съ другой стороны, нѣтъ ни одного, которое совсѣмъ не могло бы его раскрыть. Во-вторыхъ—развертываются явленія, которые лишь кажутся культурными цѣнностями, на самомъ же дѣлѣ при надлежать къ роду извѣстныхъ изысканностей, утонченностей жизни, какъ часто бываетъ въ перезрѣлыхъ, уставшихъ отъ событий эпохи. Ибо гдѣ жизнь стала пустой и безмысленной, тамъ всякая возможность развитія воли и творчества къ ихъ высшему становится только схемой; тамъ нѣтъ силъ извлечь питанія и поддержки изъ содержанія вещей и идей—такъ не можетъ заболѣвшее тѣло ассимилировать себѣ материалъ изъ средствъ питанія, отъ которыхъ растетъ и крѣпнетъ здоровый организмъ. Тогда индивидуальное развитіе извлекаетъ изъ соціальныхъ нормъ только изысканность поведенія въ обществѣ, изъ искусства—безплодное наслажденіе, изъ техническихъ успѣховъ—отрицательную сторону бездѣлія и невозмутимость ничѣмъ незаполненного дня;—тогда возникаетъ родъ формально субъективной культуры безъ внутренняго сплетенія съ элементами содержанія, которыми только и должно быть наполнено содержаніе понятія конкретной культуры. Такимъ образомъ съ одной стороны мы имѣемъ столь страстное, централизованное утвержденіе культуры, что для него становится чрезмѣрнымъ и отвлекающимъ самое содержаніе ея объективныхъ факторовъ, какъ таковое не превратимое и не могущее быть превращеннымъ сполна въ чистую культурную функцию, и съ другой стороны—такую слабость и пустоту культуры, что у ней нѣтъ силъ воспринять въ себя объективные факторы въ ихъ существенномъ содержаніи. Оба явленія, на первый взглядъ противорѣчащія связи личной культуры съ сверхличными данностями, подтверждаютъ при внимательномъ разсмотрѣніи какъ разъ такую связь.